

**РАЗГОВОРЫ О ПЕРЕМЕНАХ: ДЕЙСТВИЯ
СЛОВ И СЛОВА БЕЗ ДЕЙСТВИЙ**

Прочтя книгу американского антрополога Н. Рис "Русские разговоры", известный американский политолог Майкл Урбан заметил, что более всего его поразило исследовательский метод автора. Рис смогла извлечь важные выводы из материала, которым большинство западных и российских исследователей России переходного периода располагало, однако не отдавало себе в этом отчета. Они тоже общались со своими местными друзьями и знакомыми, вели беседы на кухнях и на прогулках, слышали высказывания в метро и в магазинах. Но по разным причинам, основной из которых являются дисциплинарные отличия подходов и методов, они не поняли важности этого материала для понимания процессов и результатов перестройки. Урбан, тоже написавший книгу о перестройке и тоже уделяющий серьезное внимание анализу дискурсивных практик, заметил, что теперь высказывания политиков он будет анализировать в контексте кухонных обсуждений¹.

Материал, выбранный Н. Рис для исследования, – разговоры, беседы, общение – часто остается за рамками даже антропологических наблюдений, не особо вписываясь в стандарты полуструктурированных интервью и этнографического включенного наблюдения. Остановившись на этом материале, автор сделала нетривиальный методологический выбор. Мои замечания начнутся именно с метода. Но закончатся они рассуждением о том, как в сегодняшнем контексте можно прочесть выводы этого исследования и какие политические уроки из него извлечь.

На протяжении нескольких лет я включаю книгу Н. Рис в список литературы аспирантских семинаров по социализму и постсоциализму, которые я веду в Университете Калифорнии в Беркли. Реакция студентов Беркли – антропологов, социологов, историков, славистов и фольклористов, а также рецензии на эту книгу в американских академических журналах послужили пищей для этих заметок.

Сразу оговорюсь: несмотря на отдельные недочеты, я считаю эту книгу важным и успешным этнографическим исследованием перестроечной России. Большинство аспирантов и рецензентов отнеслось к ней положительно. Однако я остановлюсь не на положительной оценке, а на критических замечаниях². С большинством из них я не согласен и считаю, что вызваны они были непониманием исследовательского объекта автора и метода, который она применяла. Надеюсь, критика критики поможет разобраться в этих вопросах.

Большинство критических замечаний можно разделить на четыре группы:

1. Критика "нерепрезентативности" исследования (ее чаще высказывали социологи). Полевая работа проводилась в основном в Москве, в среде интеллигенции, а опыт московской интеллигенции отличается от опыта людей, живущих в других районах России и принадлежащих к другим слоям общества. Московские информанты автора, как говорили критики, не являются репрезентативной выборкой; по ним нельзя судить о "русскости", "русском характере", распространенных стратегиях поведения и усредненном опыте перестроечных лет.

2. Критика нерепрезентативности касалась и другого: обыденные разговоры и беседы – слишком узкий и специальный вид социальной деятельности и не могут дать точного представления о том, как люди воспринимают и реагируют на сложные социальные процессы в меняющемся обществе. По мнению критиков, необходимо было

Алексей Владимирович Юрчак – профессор кафедры антропологии Калифорнийского университета (Беркли, США); e-mail: yurchak@berkeley.edu

уделить больше внимания анализу практик собеседников и дискурсов, в которых они принимают участие за пределами обыденных разговоров, а также "реальных" экономических, политических и социальных условий их жизни.

3. По мнению третьих, автор некритично использовал "эссенциалистские" (сущностные) понятия "русскости", "национального характера", "ментальности", культурных "тропов" и просто "культуры" (критика этих понятий чаще звучала от антропологов, а вот среди славистов и фольклористов они проблем не вызывали). Как известно, в 1970–1980-е годы американская антропология пережила глубокий кризис. Критическому пересмотру подверглись понятия "эссенциалистская культура" (как некоего органически целого, внеисторического объекта) и "традиционная описательная этнография" (за то, что своими некритичными текстами она способствует выдумыванию этой культуры-объекта) (*Clifford, Marcus 1986, Marcus, Fischer 1986*). В результате в современной англо-американской антропологии не очень-то принято оперировать даже термином "культура", не говоря уже о "национальном характере", "ментальности" и т.д. Вместо этого предпочитают говорить о "культурных процессах" (например, процессах производства, воспроизводства, изменения смыслов, идущих в контексте властных отношений).

4. Наконец, критике подвергся центральный тезис книги, который можно было бы сформулировать так: некоторые дискурсивные практики, распространенные в среде интеллигенции (например, жалобы, литании, абсурдистская ирония), способствовали воспроизводству тех самых условий неравенства в структуре властных отношений, на которые человек жалуется. Критики интерпретировали этот тезис как заявления о том, что у русских слишком пассивная психология и что они просто "уговаривают" себя в том, что бессильны что-либо изменить; и в этом психологизме вся проблема. А такой тезис, если его интерпретация верна, действительно проблематичен и с философской, и с моральной точки зрения.

Насколько верны эти критические замечания? Начнем с того, что некоторые из них противоречат друг другу. Например, если "русскость" или среднеарифметический опыт перемен не могут быть объектами исследования, поскольку таких эссенциалистских понятий нет (замечание третье), то бессмысленно подвергать критике социологически нерепрезентативную выборку для исследования этих понятий (замечание первое). Однако проблема этой критики глубже. По-моему, она – в нарочито узком прочтении текста через традиционные дисциплинарные призмы, что приводит к непониманию главного исследовательского вопроса книги. В действительности Н. Рис не исследует такие понятия, как "национальный характер", "русскость", "идентичность" или "общий опыт перестройки". Объект ее исследования другой – это область дискурсивных и речевых практик, так или иначе задействованных в процессе стремительных, неожиданных, непредсказуемых, но всеми осознаваемых общественных перемен периода перестройки. То, что это исследование велось именно в контексте такого рода перемен, особенно важно для понимания объекта и метода исследования. Ежедневные, обыденные разговоры, особенно в перестроечный период, были частью повсеместных и все более усиливающихся дискурсивных практик, в которых ярко проявлялись реакции, мнения, непонимания и противоречия, вызванные переменами. Главный вопрос, на который автор пытается ответить, состоит в том, как в дискурсе того времени, в контексте неожиданных и непредсказуемых перемен, формировались и преобразовывались новые и старые понятия, идеи и теории по поводу этих перемен и как они, в свою очередь, повлияли на ход перемен. Для исследования этого вопроса повседневные разговоры – важный материал.

Иными словами, неверно критиковать автора за то, что вместо "реальных" проблем экономики, политики, медицины и др. она изучает дискурс. Такая критика предполагает, что язык лишь репрезентирует, описывает реальность, в отличие от "серьезных" областей, в которых эта реальность формируется. Однако при помощи об-

разов и смыслов язык формирует концепции, идеи и дискурсивные объекты, принимая участие не только в описании реальности, но и в ее конструировании. Эта формирующая функция языка давно является общим местом (см., напр.: *Волошинов 1929, Остин 1999*). Более того, она реализуется в языке не только на уровне аргументаций и дефиниций, но и на подспудном уровне "фоновых" высказываний, недоговоренностей, допущений, которые для говорящих и слушающих обычно не очевидны. Эта роль языка – и вообще дискурсивных практик – стала особенно важна в период ранней перестройки. Тогда экономика еще не разрушилась, платить зарплату еще не перестали, внутренние военные конфликты еще не начались; в то же время глобальное переосмысление государственной истории и системы ценностей уже шло полным ходом на страницах газет, экранах телевизоров и в непрекращающемся массовом общении. Начали по-новому говорить на собраниях и по-новому писать в газетах, подписываться на большее количество журналов и часами смотреть в прямом эфире трансляцию заседаний Верховного Совета. До конца 1980-х годов перестройка была именно *дискурсивной деконструкцией* системы, наглядно продемонстрировавшей огромную роль языка (*гласности!*) в формировании идей, концепций, субъектностей и истории.

Анализируя дискурс, автор исследует перемены в процессе их развития до того, как с оглядкой назад их станут публично описывать и анализировать. Этот метод знаком, например, по "археологическим" работам Мишеля Фуко. Объектом исследования здесь является то, что Фуко называл "дискурсивной формацией" (*Фуко 1996, Foucault 1998*), – рассеянная среда высказываний, концепций и речевых жанров, существующих в определенном месте, в определенный исторический период и касающихся определенной темы. При этом они не обязательно организованы в единый дискурс, не обязательно являясь продуктом одного автора, не ограничены единым пониманием темы, а подчас попросту противоречат друг другу. Тем не менее эта рассеянная дискурсивная среда имеет некую общую регулярность и принципы организации, схожее понимание того, о чем есть смысл говорить, схожие способы проговаривания и формулировки идей, схожие недоговоренности и неотрефлексированные допущения и т.д. В результате в дискурсивной среде, незаметно для говорящих и слушающих, могут формироваться новые понятия и концепции, подчас самые неожиданные³.

Поскольку смыслы и понятия, формирующиеся в недрах дискурсивных формаций, не очевидны заранее, их трудно изучать путем постановки заранее сформулированных вопросов. Для их изучения лучше подходит археология текстов, публикаций, архивов, дневников (если исследование ретроспективное) или этнография различных высказываний – политических, юридических, обыденных (если исследование ведется синхронно, в процессе изменений). Последний подход сегодня принято называть "историей настоящего" (*history of the present*). Н. Рис пользуется именно этим методом анализа, противопоставляя его тем исследованиям, в которых сначала выбирается известный объект (например, "идентичность"), а затем изучается, как этот объект описан в том или ином дискурсивном поле: "Немало исследований специально фокусируется на безусловно актуальной теме этнической идентичности и нарративных средств ее выявления; но я, напротив, более склонна к поиску общего в разных речевых стилях и системах референций, к анализу того, как личные и локальные дискурсы встраиваются в более широкие идеологические рамки данного общества в целом" (*Рис 2005: 27*).

Трудность этого подхода заключается в выборе конкретных дискурсивных практик и высказываний для анализа. Важно в море речевых актов найти высказывания и жанры, которые всплывают вновь и вновь в разных видах дискурса, в разных контекстах, в устах разных авторов, формируя разные идеи, т.е. выделить то, что Фуко называл "серьезными речевыми актами" (*Dreyfus, Rabinow 1983*) внутри дискурсивной формации. Многие из них можно использовать и выявить только в процессе исследования. Поэтому тема исследований не должна быть слишком узкой, чтобы в нее могли

попасться непредвиденные концепции и высказывания, и в то же время слишком широкой, чтобы заметить повторения и закономерности. Решая именно эту дилемму, Н. Рис определила свою исходную широкую тему так: "...повседневная действительность в эпоху ломки привычной жизни. По большей части говорили о перестройке, о том, что она сделала с людьми и с историей страны. И я поступила, как часто поступают этнографы: решила дать волю информантам самим указать мне на болевые точки своей жизни" (Рис 2005: 29).

Из этой широкой темы должна была выявиться более узкая область повторяющихся или ритуализированных высказываний, жанров и тем. Оказалось, что в речи перестроечного периода постепенно нарастала частота и публичность жанра литаний, расширялись его тематика и разнообразие контекстов. В какой-то момент этот дискурс стал общепринятым и общедоступным, что, в свою очередь, изменило его функционирование в частных разговорах. Автор пишет: «То, что людей неожиданно "прорвало" на пространные литании, направляемые в печатные издания, отражало общий "взрыв" этого дискурса среди населения. Такими литаниями обычно тихо обменивались в частных разговорах, появление же их в СМИ в виде публичного жанра добавило им энергии и в личном общении, и частные разговоры стали, по крайней мере на некоторое время, прямо-таки оргией литанизирования. Литании были замечены, выслушаны, приняты к "употреблению" (и даже превращены в товар); в ответ они породили другие литании, усиливавшие, оспаривавшие, дополнявшие и поддерживавшие первоначальные» (Рис 2005: 289).

Автор прекрасно понимает, что ментальность, национальный характер и др. являются идеологическими категориями. Но она также понимает, что высказывания об этих категориях – часть серьезных речевых актов эпохи, и относиться к ним следует с подобающей серьезностью, не спеша с тривиальной критикой их надуманности. Ведь все те функции, которые данные категории выполняют в дискурсе, не видны заранее ни говорящему, ни слушающему, ни исследователю. Конечно, у них есть поверхностная идеологическая функция: в результате постоянного повторения и циркулирования некие взгляды на реальность приобретают естественность, а другие оказываются скрытыми от глаз собеседников. Но есть у них и менее очевидная, глубинная идеологическая функция, заключающаяся в незаметном структурировании всего дискурсивного поля. Например, в период перестройки публичные речевые жанры, в которых высказывания о национальном характере или ментальности циркулировали, способствовали формированию представлений о том, что сами эти жанры и есть парадигма демократического дискурса. И этим они, к сожалению, усложняли развитие других жанров демократического дискурса, например, критические дискуссии гражданского общества.

Вновь вспомнив Фуко, можно сказать, что понятие "демократия" подспудно сформировалось в дискурсивной формации перестроечного периода отдельно от понятий общественного политического дискурса и институтов гражданского общества. Именно с этой точки зрения следует воспринимать один из главных выводов автора: "... в России времен перестройки провозглашенная цель – освобождение от подавляющей народ идеологии и социальной практики – была потоплена в водах ритуалистического говорения" (Рис 2005: 319). Этот вывод совсем не означает, что на уровне личной психологии народ будто бы "расписался" в собственном бессилии и в том, что ему суждено страдать. Напротив, этот вывод гораздо глубже: понятия "демократический дискурс", "гражданские права", "свобода слова" на уровне массового сознания не были ассоциированы с концепцией "гражданское общество"⁴.

Несвязанность понятий "демократия" и "гражданское общество" привело к тому, что гражданские права по-прежнему ассоциируются с правительством и государственным аппаратом, а не их общественным контролем со стороны граждан. Это способствовало воспроизводству социальных иерархий, приходу к власти номенклатурных

структур, новому разделению страны на различные привилегированные и непривилегированные группы, развитию массовой бедности, а также почти полной потере доверия ко всяческой "правозащитной деятельности" и интереса к участию в политическом процессе среди гражданских масс, так хорошо знакомым по советскому времени. Политические разговоры либо затихли, либо вернулись на кухни, а средства массовой информации и суды стремительно возвращаются под тотальный контроль государства. Иными словами, стало ясно, что критический общественный дискурс единичных недовольств и жалоб на нарушения прав граждан не оформился в дискурс гражданского общества, общими усилиями отстаивающего гражданские права в целом.

Именно этот вывод книги, подтвержденный детальным этнографическим исследованием дискурсивных практик, самый поучительный. Остается вопрос-надежда: навсегда ли упущена возможность связать на уровне массового сознания понятие "демократии" с концепцией, институтами и личными практиками гражданского общества? Без этой связки демократии с гражданскими свободами не получится.

Примечания

¹ Из личных разговоров с М. Урбаном.

² Следует сказать, что на семинарах американские аспиранты быстро приобретают умение критиковать тексты. Некоторые с первых дней способны любую книгу разбить в пух и прах. При этом умения находить и объяснять положительные и полезные аспекты работы куда меньше. Причина здесь не столько в системе образования, сколько во внутренней динамике отношений и статусов в среде аспирантов и в академической среде в целом.

³ Согласно Фуко, именно таким образом на рубеже XVII–XVIII вв. появилось современное понимание сумасшествия как обычного заболевания (Фуко 1998).

⁴ Понятие "гражданское общество", безусловно, следует всегда определять в конкретном социально-историческом контексте. В контексте сегодняшней России с ее государственной историей его необходимо определять широко – как институционально организованное гражданское сообщество, чей критический дискурс противостоит нарушениям гражданских прав и законов и на местном и на правительственном уровне, чье существование независимо от государственного политического контроля, но при этом *обеспечено* государственным законом, общественными институтами и средствами массовой информации.

Литература

- Волошинов 1929 – Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке и языке. Ленинград: Прибой, 1929.
- Остин 1999 – Остин Дж. Как производить действия при помощи слов / Пер. с англ. В.П. Руднева и Смысл и сенсбилити / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 1999.
- Рис 2005 – Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛО, 2005.
- Фуко 1996 – Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. С. Митина и Д. Стасова. Под общей ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996.
- Фуко 1998 – Фуко М. Рождение клиники / Пер. с фр. А.Ш. Тхостов. М.: Смысл, 1998.
- Clifford, Marcus 1986 – Clifford J., Marcus G. Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography. University of California Press, 1986.
- Dreyfus, Rabinow 1983 – Dreyfus H., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond Structuralism and Hermeneutics. University of Chicago Press, 1983.
- Foucault 1998 – Foucault M. On the Archeology of Sciences: Response to the Epistemology Circle // Aesthetics, Method, and Epistemology / Ed. James. D. Faubion. N. Y.: The New Press, 1998. P. 297–333 (In collection: Essential works of Foucault 1954–1984).
- Marcus, Fischer 1986 – Marcus G., Fischer M. Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. University of Chicago Press, 1986.
- Ries 1997 – Ries N. Russian Talk: Culture and conversation during Perestroika. Cornell University Press, 1997.